

Акча купила керосинку. На этот факт соседи реагировали по-разному. Одни вешали на двери замок и отпирывались дышать свежим воздухом, другие — поворачивали ключ изнутри квартиры, третьи — включали радиоприемники на полную мощность.

— Ну, «представления» не миновать, — рассудили соседи. — Шутка ли, керосинку купила.

События развернулись грандиозные. Обмывали керосинку по всем правилам. Сначала пили за то, чтобы пламя было ярким, потом за безотказную работу фитилей и, наконец, бесчисленное количество тостов провозгласили в честь бога веселья и вина — Бахуса. Торжество, как положено в таких случаях, сопровождалось «песнопением и плясками». И все бы, возможно, сошло благополучно, если бы не хвастливое замечание Гыйтчи, подруги владелицы керосинки:

— Мой нос — красивейший в Ашхабаде, — расхвасталась она.

С этим никак не могла согласиться Акча, отдававшая предпочтение другому носу — своему собственному.

Спор был закончен глубокой ночью с помощью босножек, тарелок и других «твердых» предметов.

Кто же эти участники баталии, мешающие соседям спокойно спать?

Видимо, это далекие от культуры и необразованные люди?!

Ничего подобного! Акча Джумадурдыева и Гыйтча Чарсыкова — молодые актрисы, призванные нести культуру в массы. Первая из них окончила институт театрального искусства в Москве, вторая — в Ташкенте. Обе работают в государственном драматическом театре имени Сталина.

Как случилось, что в здоровом творческом коллективе театра появились такие «прожигатели» жизни, как Джумадурдыева и Чарсыкова? Ведь тут же бок о бок с ними трудятся активные комсомолки, молодые актеры Хурма Караева, Гулджан Чарыева, Аман Курбандурдыев, Ходжи Аннамедов и многие другие, также закончившие в недавнем прошлом высшие театральные учебные заведения...

...Сразу после прибытия с учебы Гыйтче Чарсыковой была предложена одна из ве-

дущих ролей. Она миновала обычную для молодых актеров практику — участие в массовых сценах. Режиссер тов. Фельдман больше уделял внимания Гыйтче, чем другим артистам.

— Она же способная, талантливая!

Чарсыкова задрала нос. Она совершенно отказалась от массовых сцен. С товарищами стала груба и высокомерна. Возмнив себя «звездой», Гыйтча перестала жить интересами коллектива. Она не посещала собраний, стала пропускать даже репетиции. Единственной подругой для отдохновения души являлась для нее Джумадурдыева.

— Разве поймут они наши творческие порывы, — говорила Гыйтча, имея в виду молодых артистов.

— Эти провинциалы даже не представляют, что такое «стиль с Брода!»

— А прическа?! — Гыйтча безнадежно вертела обчужуженной под Бэби головой перед зеркалом. — Нет, не поймут!..

Мода, прическа. О вкусах, как говорится, не спорят. Но о том, как держаться в обществе, можно и нужно спорить. Нужно спорить и бороться против чуждых нам буржуазных взглядов, против пережитков прошлого.

Не один раз собирались комсомолки театра обсуждать поведение Гыйтчи Чарсыковой и Акчи Джумадурдыевой. Не один раз они просили, уговаривали, ругали. Наконец, наказали — объявили выговор. Ничего не помогало. Ответ был всегда один:

— Не суйтесь не в свое дело.

Восемь рапортов за срыв репетиций и появления в нетрезвом виде написал помощник режиссера Ходжанияз Сахатов Янову Фадеевичу Фельдману, но ни один из них не явился предметом обсуждения. Рапорты были положены под сукно.

Если Джумадурдыевой и Чарсыковой было все равно до авторитета коллектива театра, то комсомолкам — нет. Они не могли уже дольше мириться с таким положением. Им надоело жаловаться жильцов — соседей. Да и зрители, при появлении на сцене «звезд», многозначительно смеялись.

В декабре состоялось открытое комсомольское собрание театра. Обсуждалось

персональное дело Чарсыковой и Джумадурдыевой. Сабир Атаева, Гульнабат Самедова — Мурадова, Джумадурды Сарыев, Пендживар Ильясов, Аман Курбандурдыев взволнованно выступали на нем с резкой критикой.

— Исправитесь ли вы в конце концов? — спрашивали они.

— Лучше увольте нас из комсомола, — последовал равнодушный ответ, — только оставьте на сцене. Мы же артисты.

«Просьба» была уважена наполовину. Все 18 комсомольцев, присутствовавшие на собрании, единодушно проголосовали за исключение Джумадурдыевой и Чарсыковой из комсомола. Они же решили просить дирекцию уволить этих «артистов» театра.

Тут бы можно было и поставить точку. Однако беда в том, что у Чарсыковой нашелся защитник в лице директора тов. Мурадовой, которая отказалась удовлетворить просьбу комсомольцев.

Ходит теперь Чарсыкова, высоко подняв голову, и по-прежнему смеется над теми, кто выступал на собрании:

— Что, получили? Теперь я не комсомолка. Попробуйте на до меня добраться!

В. МАРТЕМЬЯНОВ.
г. Ашхабад.